

Актеры озвучания не походили в плане так называемого рабочего и нерабочего времени на обычных офисных служащих – «белых воротничков». Пока у них была работа, они заходили в звукозаписывающую студию, как только оказывались в компании, и выходили оттуда, только когда заканчивали запись. Если у них в графике несколько дней работы не было, то им не нужно было отчитываться за посещаемость.

Однако Тань Имин, как владелец компании, всегда усердно трудился. Даже если ему и не нужно было заходить в студию звукозаписи, он обязательно появлялся на работе, чтобы заняться административными делами.

Но тем не менее, девушка, сидевшая за стойкой на ресепшене, заметила, что Староста Тань в последние пару недель приходил на работу немного поздней, чем обычно. Раньше он появлялся в компании около девяти утра, а в последнее время частенько заходил в дверь не раньше десяти.

Гу Лян тоже подумал, что это странно, и спросил:

- Ты в последнее время плохо спишь? Слишком поздно встаешь? Офис от твоего дома недалеко, даже если ты пойдешь пешком, это займет у тебя самое большее полчаса.

- О, мой арендатор живет далеко от своей работы, – тихо ответил Тань Имин. – Знаешь станцию метро рядом с моим домом? В утренний час пик на то, чтобы там сесть на поезд, уходит полчаса, а свободных вагонов всего три. Ну и поскольку мне не нужно приходить на работу в определенное время, я высаживаю его по пути у главного терминала, где есть свободные места.

Проблема заключалась в том, что хотя терминал и находился недалеко от дома, путь к нему по виадуксу занимал двадцать минут. Когда Тань Имин сказал, что ему «по пути», он не уточнил, сколько времени это занимает.

Гу Лян был потрясен.

- Ты действительно примерный домовладелец – круглосуточно ведешь себя как почтительный сын! Ты даже оказываешь услуги по перевозке клиента!

Откуда ему было знать, что «круглосуточное поведение почтительного сына» включает в себя не только перевозку арендатора, но еще и готовку еды.

Через некоторое время Сянь Цай должен был отправиться на юго-запад. Гарри Pancake представляла собой довольно стабильную театральную труппу, и все актеры, которые играли в спектакле, – кроме Сянь Цая – работали по заключенному с компанией контракту. Причиной, по которой Сянь Цай смог стать одним из исполнителей главной роли, было то, что режиссеру понравилось его «выдающееся выступление в «Письме фаната».

Сянь Цай находился под огромным давлением и в последнее время репетировал особенно усердно. Чтобы не навредить связкам, он отказался от всех холодных, острых и соленых блюд. Каждый день, приходя домой, он варил лапшу на чистой воде, резал огурцы, и ел с лапшой помидоры и грибы. Он уделял большое внимание количеству питательных веществ и на каждый прием пищи добавлял одно вареное яйцо. Когда яйца заканчивались, он заменял их вареной куриной грудкой.

- Есть каждый день лапшу – слишком однообразно, – сказал ему Тань Имин. – почему бы тебе не поджарить что-нибудь по-быстрому или вроде того?

- Готовить не тяжело, – ответил ему Сянь Цай. – Зато слишком утомительно нарезать овощи, промывать рис, а потом – оттирать кастрюли и сковородки. Когда я возвращаюсь домой, я хочу спать, а не продолжать работать, стоя на кухне.

Поэтому на следующий день Тань Имин «случайно» приготовил два лишних блюда и оставил их на обеденном столе. В кастрюле еще оставалось немного риса – как раз на одну миску.

Сянь Цай:

- ...

Он посмотрел на горячую еду, а потом – на «сосредоточенного» Тань Имина, который тяжело трудился в гостиной. Он прошептал: «Спасибо», а затем сел и прикончил оставленную пищу.

Три дня подряд Тань Имин готовил, и три дня подряд Сянь Цай ел горячее.

Утром четвертого дня только что вставший с постели Тань Имин увидел на кофейном столике в гостиной пять красных банкнот*. [Прим. англ. пер. Красные банкноты – 100 юаней (суммы денег можно отличать по цвету).]

- Что это? – спросил Тань Имин, ткнув в них пальцем.

- Это деньги за еду, дорогу и за то, что я не купаю ящерицу, – ответил Сянь Цай.

Тань Имин посмотрел на банкноты, и его бросило в жар. Однако его пугало осознание того, что, если не он не примет эти деньги, Сянь Цай больше никогда не сядет на переднее сиденье его машины и не съест больше ни зернышка риса.

В конце концов Сянь Цай нашел метод, чтобы скомпенсировать арендную плату.

.....

В выходные поступила срочная работа. Отдел цензуры спутникового ТВ, выпускавший дораму, которая должна была выйти в эфир на следующей неделе, внезапно уведомил их, что «реплики множества эпизодов содержат сомнительный контент и должны быть перезаписаны».

Дорама была закончена в прошлом году, и было решено, что транслироваться она начнет в начале этого года, однако процесс затянулся до сентября. Дорама была современной, а современные дорамы очень зависят от даты трансляции и могут устареть, если выходят не вовремя. Если ее было невозможно запустить в это время, то трансляцию пришлось бы отложить еще на год. [Прим. англ. пер. Я думаю, что это значит, что в таких драмах приходится менять вещи, которые устаревают с прошлого года, чтобы идти в ногу с трендами. Если они не изменили бы это сейчас, им пришлось ждать еще год и менять еще что-то заново. Прим. пер. Или, как вариант, выход части серий подгоняется к определенным праздникам, событиям, смене сезонов и т.п.]

Поэтому продюсер позвонил Тань Имину и попросил его срочно организовать дополнительную запись.

В маленькой студии звукозаписи столпились редакторы, сценаристы, режиссеры дубляжа и актеры озвучания. У всех были красные опухшие глаза и желудки, набитые попавшимися под руку леденцами от горла, кофе и Red Bull.

После того, как Тань Имин закончил запись и преодолел за рулем дорогу домой, он заснул прямо на диване в гостиной, не успев добраться до спальни. Он проспал больше десяти часов, а когда открыл глаза, уже наступил следующий день.

Он по-прежнему лежал на диване в гостиной, но под головой у него была лишняя подушка, а сверху его укутывало одеяло. Кондиционер был выставлен на комфортную температуру в двадцать шесть градусов, шторы – плотно закрыты, а в воздухе витал изысканный успокаивающий аромат лаванды.

Тань Имин замер на какое-то время, а потом отбросил одеяло и сел.

Только тогда он понял, что все еще был одет в тот же костюм, в котором накануне делал запись. Костюм помялся, потому что Тань Имин проспал в нем всю ночь. Однако все пуговицы были расстегнуты, ремень – вытасчен из брюк, и теперь он в свернутом виде лежал на журнальном столике. Излишне было говорить, что всё это мог сделать только другой обитатель дома.

Пока Тань Имин сидел в оцепенении, дверь кухни внезапно открылась.

Сянь Цай держал в левой руке миску с кашей, в правой – тарелку с маринованными овощами, а во рту – пару палочек для еды. Он толкнул дверь задом и, словно жонглер, пятясь, вошел в гостиную.

Тань Имин:

- ...

Через палочки для еды, которые он держал во рту, Сянь Цай неразборчиво спросил:

- Ву-ву-ву? [Прим. англ пер. «Wu» само по себе означает «Ну что?»]

- Ну, я только что проснулся, - ответил Тань Имин. Как только открылась дверь в кухню, оттуда донесся слабый, но соблазнительный аромат рисовой каши. Последний раз Тань Имин ел 24 часа назад, и в животе у него забурчало. Он мгновенно облизнул пересохшие губы и спросил:

- Сколько ты каши приготовил? Лишняя есть?

Сянь Цай кивнул:

- Вувуву.

- Все в порядке, ешь эту миску, я пойду сам себе налью.

- Вувувувувувуву. [Прим. англ пер. очень много «Wu» подряд означает «Нет-нет-нет». Я тоже запуталась.]

Тань Имин сделал вид, что его не слышит. Он поднял руку и потер щетину на подбородке, думая после еды пойти принять ванну и почистить зубы.

Две минуты спустя Тань Имин и Сянь Цай сели по обе стороны обеденного стола. Между ними на столе стояли две тарелки с гарнирами, яичницей и мясным рулетом.

Сянь Цай всегда питался в школьной столовой, и его кулинарные навыки были ограничены. Он впервые воспользовался скороваркой, чтобы приготовить рисовую кашу. К счастью, весь процесс оказался очень простым: ему не пришлось тратить лишнюю энергию - он просто промыл рис и нарезал тыкву.

Тань Имин подул на ложку, а затем проглотил густую и сладкую рисовую кашу с тыквой, ощутив, как тепло поднимается из желудка и постепенно течет к его конечностям, дюйм за дюймом заполняя его пустое сердце.

Сянь Цай же был не очень голоден, он держал миску с кашей и ел ее потихоньку. Он не любил слишком горячую еду, ему приходилось на нее дуть, прежде чем он мог ее проглотить. Но и так губы у него покраснели от горячего, а кончик розового языка мелькал между двумя рядами

жемчужно-белых зубов.

Им не о чем было говорить.

- Ты не пришел домой прошлым вечером, - начал Сянь Цай, - а я не смог дозвониться до тебя по телефону. Когда я вчера вернулся, то увидел, что ты спишь на диване. Я не смог тебя разбудить и подумал, что ты заболел.

- У нас в эти дни была срочная работа. При входе в студию звукозаписи необходимо выключать телефоны. Я забыл тебя предупредить, - быстро сказал Тань Имин. - Прости, если в следующий раз я не смогу вернуться домой вовремя, я предупрежу тебя заранее.

Когда Тань Имин это сказал, то почувствовал, как что-то изменилось: наконец-то в его доме появился кто-то, кто ждал его возвращения, хоть они с Сянь Цаем и были просто «соседями по квартире».

Казалось, Сянь Цай не заметил легких изменений в тоне Тань Имина. Он встал, налил Тань Имину в тарелку еще одну порцию каши и сказал:

- К счастью, я был дома, когда ты вернулся. Если бы ты пришел домой через два дня, никто бы не узнал, не потерял ли ты сознание на диване.

Тань Имин не реагировал, пока до него не дошло, о чем тот говорит.

- Ты собираешься на гастроли?

- Ну, завтра мы вылетаем, - сказал Сянь Цай. - Продюсер дал нам два выходных и отпустил домой, чтобы собрать багаж и привести себя в порядок. Реквизит отправили заранее, а репетиция состоится сразу же после приземления самолета. Премьера назначена на послезавтра.

Тань Имин не ожидал, что время пролетит так быстро. Казалось, что прошло всего лишь несколько дней с момента, когда они стали жить вместе, а им уже предстояла разлука. Он взбодрился и задал вопрос:

- Твой багаж упакован? Я могу помочь?

- Давным-давно, - Сянь Цай бездумно рисовал палочками круги в своей каше и совершенно обыденным тоном сказал. - Мне нечего с собой брать, кроме нескольких смен одежды.

- Во сколько завтра улетаешь? Мне отвезти тебя в аэропорт?

- Нет, приедет машина, и меня заберут.

Тань Имин сделал паузу и неуверенно спросил:

- ...Это Цень Маньчуань?

- Нет, - Сянь Цай собирался сказать, что порвал с Цень Маньчуанем, но по необъяснимой причине проглотил эти слова. Всякий раз, слыша, как Тань Имин упоминал об их отношениях, Сянь Цай испытывал невыразимое смущение.

- Это машина трупы - автобус, который может забрать всех нас, коллег.

Они жили под одной крышей, и Тань Имин немного беспокоился, что Сянь Цай может привести своего парня на ночь. Он знал, что некоторые домовладельцы ставили условия своим арендаторам, прежде чем сдать тем жилье, и не разрешали приводить и оставлять у себя представителей противоположного пола. Однако Цень Маньчуань не относился к противоположному полу, а Сянь Цай не был обычным квартиросъемщиком.

Наверное, Тань Имин все-таки был немного мазохистом. Он разработал план А, план В и план С для действий в чрезвычайных ситуациях. Его тревожило, что в один прекрасный день он может открыть дверь и обнаружить Цень Маньчуаня, стоящего в гостиной/ванной/кухне. И в этот момент Тань Имину будет нельзя показать никакого неестественного выражения.

К счастью, они с Сянь Цаем прожили вместе полмесяца, и Тань Имин ни разу не встретился лицом к лицу с Цень Маньчуанем. Более того, Тань Имин заметил кое-что неладное - почему Сянь Цай никогда с Цень Маньчуанем не общался?

Тань Имин видел множество влюбленных. Позвонить любимому человеку три раза день им было просто абсолютно необходимо. И даже если они не перезванивались, то вместо этого постоянно болтали в WeChat со счастливым выражением на лице. Как только они открывали рот, первым, что они произносили, было: «День, когда мы встретились...», «Мой парень сказал...», «Моя девушка меня спросила...» и тому подобное.

Но у Сянь Цая все эти признаки отсутствовали.

Тань Имин неизбежно задумался: могло ли быть так, что эти двое расстались? Но эта мысль мелькнула у него в голове лишь на несколько секунд, а затем он ее отбросил.

Сянь Цай был независимым человеком и не лип ни к кому, даже если и был влюблен. Сянь Цай все время был на работе и мог делать звонки Цень Маньчуаню между репетициями. Сянь Цай обращал внимание на конфиденциальность и не хотел разговаривать с посторонними на волнующие его темы...

Тань Имин придумал тысячу причин, говоря себе, что у Сянь Цая и Цень Маньчуаня стабильные отношения, и он не имеет права вмешиваться. Однако в то же самое время он злодейски надеялся, что те расстанутся, и у него появится возможность приблизиться к Сянь Цаю.

И Тань Имин, и Сянь Цай – они оба – играли друг с другом в психологические игры, и ни один из них не осмеливался сделать шаг вперед.

.....

Когда они поужинали, было еще довольно рано, и Тань Имин спросил Сянь Цая, не хочет ли тот посмотреть кино.

Хотя в гостиной не было телевизора, в потолке был спрятан экран, который можно было опустить и использовать вместе с проектором.

- Что мы будем смотреть? – спросил Сянь Цай.

- «Звездные Войны».

Тань Имин не был большим фанатом «Звездных Войн», но ему очень нравился романтический и эпический сюжет, нравился настолько, что внутри прозрачного журнального столика в его гостиной стоял «Тысячелетний сокол».

Кто бы мог подумать, что Сянь Цай бесцеремонно заявит:

- Я не люблю смотреть научную фантастику.

- !!!

- Но ты сказал, что я имею право говорить, что мне не нравится, – лукаво произнес Сянь Цай.

- ...

Тань Имин сдался.

- Тогда что ты хочешь посмотреть? У меня есть подписка на стриминговых сайтах, почти сто юаней в месяц. Если мы не будем смотреть – это пустая трата денег.

Сянь Цай некоторое время раздумывал.

- На самом деле я редко смотрю фильмы, так может, мы посмотрим какой-нибудь из тех, что ты озвучил?

- ...

Этот запрос не был чем-то из ряда вон. Тань Имин даже не мог сосчитать, сколько работ он озвучил за последние несколько лет. Он играл и в кино, и в анимации, и в играх. После того, как он стал актером озвучания, его бывшие однокашники время от времени присылали ему сообщения о том, что слышали его голос в каком-нибудь фильме.

Тань Имин очень этим гордился, но только до того момента, как Сянь Цай сказал, что хочет послушать его дубляж.

Это действительно было странно. У него точно было множество фанатов и богатый опыт, но теперь он почувствовал, что будет плохо выглядеть перед своим возлюбленным.

Однако он не мог отказать Сянь Цаю в просьбе и поставил ему свою собственную работу.

Тань Имин был очень умен и использовал «яд против яда», выбрав фильм, в котором одну из главных ролей играл Чэнь Цзыжань. Согласно сюжету, Чэнь Цзыжань был вторым главным героем и первым плейбоем. Он не любил героиню, которая злилась и старалась его очернить. Вся история состояла из собачьей крови, собачьей крови и еще раз собачьей крови*. [Прим. англ. пер. Собачья кровь – преувеличенный драматизм и чрезмерное использование стереотипных сюжетных поворотов.]

Тань Имин озвучил в ней отца Чэнь Цзыжана, властного старого президента, и фразой, которую он произносил чаще всего, было: «Ты мятежный сын!»

Уловка сработала: Сянь Цай расхохотался и не стал настаивать на том, чтобы смотреть фильм с озвучкой Тань Имина.

Это был первый раз, когда Сянь Цай смотрел, как играет Чэнь Цзыжань. У него до сих пор сохранились школьные воспоминания о том, как тот плакал и стонал, сидя на шпагате. Но это была такая забавная роль – он был вторым героем в фильме, изображал красавчика, позировал, плакал, бежал за автобусом... Когда Сянь Цай увидел, как Чэнь Цзыжань в дождь перед домом героини стоит с букетом цветов, то окончательно потерял способность это выносить. Сянь Цай поднял руки, чтобы объявить о капитуляции.

- Ты слишком подлый! – обвинил он Тань Имина, но, когда это говорил, смеялся и совсем не выглядел сердито.

- А ты все еще смотришь? – спросил Тань Имин, сдержав улыбку.

- Ты слишком лицемерный, - Сянь Цай утер слезы. - Я больше не хочу смотреть.

Тань Имин, который не подумал, что его ход будет обречен на провал, торопливо начал умолять о пощаде.

- Ты видел мой мюзикл, но не позволяешь мне посмотреть твой фильм? - протянул Сянь Цай.

На самом деле работы Тань Имина можно было найти повсюду в интернете, и Сянь Цай многие из них видел и слышал.

- Я тогда зашел в театр по ошибке, - уклонился от прямого ответа Тань Имин.

- Ладно! Получается, что ты на самом деле не хотел смотреть мой спектакль.

Тань Имин мог только послушно признать, что на самом деле все было не так. Они проговорили еще немного, и наступил поздний вечер.

Они сидели на одном диване, и в какой-то миг начали придвигаться друг к другу все ближе и ближе. В момент, когда Сянь Цай это осознал, он практически почувствовал тепло тела Тань Имина. Вскоре Сянь Цай ощутил, что его бросило в жар, но слегка запутался: было ли это от того, что у него понемногу поднялась температура, или температура передалась ему от Тань Имина? Он чуть неловко пошевелился, и Тань Имин, словно очнувшись ото сна, отодвинулся от него на пару сантиметров.

Они оба отвернулись: один - влево, другой - вправо. Один налил себе стакан воды, другой взял фрукт. Одним словом, они избегали друг друга.

Тань Имин дважды кашлянул, но не нашелся, что ему и сказать.

- Это... Кстати, мне всегда было интересно... Когда ты танцуешь, тебе часто приходится крутиться на месте. У тебя голова не кружится?

Сянь Цай знал, что он намеренно уходит от темы, и тоже сделал вид, что они просто болтают:

- У начинающих может кружиться, но не у тех, кто уже некоторое время практикуется. На самом деле, если ты приглядишься повнимательней, то обнаружишь, что наши тела и головы вращаются с разной скоростью. Это называется «фиксировать взгляд» и «догонять».

Это движение было нелегко объяснить. Сянь Цай воспользовался открывшейся возможностью и спрыгнул с дивана на пол, подальше от Тань Имина.

Он не стал обувать танцевальные туфли, и просто стал босиком перед проекционным экраном. Его ступни крест-накрест пересекали шрамы.

Проектор светил очень ярко. Так как он перешел в режим ожидания, на экране отражались случайным образом изогнутые цветные полосы. Эти абстрактные лучи света падали на юношу, превращая его в рисованный поток сознания.

Его брови, руки и ноги были частью картины.

Он стоял неподвижно, уперев руки в пояс.

- Возьмем, к примеру, простое вращение. Когда мы в первый раз разучивали это движение, мой учитель неоднократно подчеркивал, что неважно, как мы вращаемся, - наш взгляд должен быть сфокусирован на публике. Короче говоря, надо все время смотреть в зрительный зал, потому что мы хотим оставить зрителям самое красивое впечатление о нас.

Пока он все это говорил, его ступни образовали форму буквы «Т», и всем корпусом он повернулся по диагонали назад. Однако, пока его тело вращалось, голова не поворачивалась вместе с плечами, и взгляд по-прежнему был направлен на Тань Имина.

В одно мгновение его тело снова изогнулось, Сянь Цай сделал второй шаг. И тело тут же вернулось в исходную позицию! Быстрым движением головы он закончил поворот, обогнав вращение корпуса из зафиксированного положения.

- Нет... погоди, погоди, помедленней, как же ты развернулся? - Тань Имин протер глаза. - Два шага и ты повернулся на 360 градусов. А что с твоей головой, ты этим воспользовался, чтобы просто ей крутнуть?

Сянь Цая это позабавило. Он снова сделал пируэт, повторив все движения в замедленном темпе.

- Первый шаг - повернуться и удерживать голову в одном положении, второй - повернуться и повернуть голову, поймав взглядом ту же точку. Затем оба движения нужно соединить.

Юноша исполнял вращение босиком и было очевидно, что делал он это самым простым способом, но выглядело это очень красиво. Каждое движение было точным и чистым, не несло ничего лишнего - ноги, талия, плечи, шея, вытянутые руки... каждый мускул был так гибок и подвижен.

Проекция на экране менялась кадр за кадром, а скорость, с которой вращался Сянь Цай, все увеличивалась и увеличивалась. Постепенно он усложнял движения: от простого пируэта до вращения из четвертой позиции, от вращения с неподвижной свободной ногой к фуэте*. [Прим. пер. Этот фрагмент я перевела немного не так, как это сделал анлейтер. Я так поняла, что ни

автор (я заглянула в оригинал), ни анлейтер не стали особо разбираться в балетной терминологии. С одной стороны, это понятно – сцена подается вроде бы глазами Тань Имина и читатели тоже не знатоки. С другой – я пересмотрела несколько видео и перечитала пару рефератов по классическому танцу, чтобы понять, что именно описано в тексте. Пируэт, как оказалось, – термин, который употребляется преимущественно для мужчин, для женщин – тур. Начинают учить вращения с поворотов из второй позиции, потом переходят к вращению из четвертой, это более сложный, высокий и быстрый вариант. На одной ноге идет вращение, другую сгибают, подводя пальцы стопы примерно на уровень коленной чашечки (пассе), и держат неподвижно, пока не повернутся на 360 градусов. Двигают свободной ногой, придавая себе скорость вращения, не в пируэте или туре, а в фуэте, это самый сложный вид из всех вариантов вращений.]

Удерживать голову – повернуться.

Быстро повернуть голову – развернуться.

Тело Сянь Цая разбивало лучи проектора, а ноги, когда-то раздавленные судьбой, держали его вес.

.....

Несколько лет назад Сянь Цай прочитал в интернете один пост: [Если бы вам нужно было признаться в любви, пользуясь терминами вашей профессии, что бы вы написали?] Одна танцовщица на это ответила: [Ты та точка, которую я держу всякий раз, когда делаю фуэте.]

Сянь Цай тогда улыбнулся, но эта фраза навсегда осталась в его памяти.

Иногда он спрашивал себя, сможет ли он найти эту точку?

И теперь, в этой гостиной, перед ярким светом проектора, Сянь Цай его нашел.

С каждым поворотом его глаза устремлялись к Тань Имину. Поворот следовал за поворотом, их взгляды соприкасались каждый раз, снова и снова пробуждая ностальгию.

С самого начала и до конца Сянь Цай не отводил взгляд.

Как и Тань Имин.

<http://bllate.org/book/13905/1225519>